

■ О ВИКТОРЕ ИВАНОВИЧЕ СТЕПАНОВЕ

Г.Б. Наумов,

Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН
gbnaumov@yandex.ru

Виктор Степанов — личность уникальная во многих отношениях, но прежде всего он уникален как минералог. Как-то в студенческие годы один наш сокурсник привез из Узбекистана другу кристаллов сахара. Все знали Виктора как хорошего диагноста минералов и решили его подловить. На перемене показывают ему эту другу: «Определи!» Виктор повернул два раза образчик и, недолго думая, сунул его в рот. «Ты что делаешь?!» — опешил шутник. Но друзья уже нет...

Я и сам пытался его подловить. Работая в Забайкалье, я был хорошо знаком с минералогом Сосновской экспедиции, первооткрывателем чароита Верой Парфентьевной Роговой, которая и подарила мне кусочек этого только что ею открытого минерала, даже не имевшего пока своего названия: «Виктор, определи». Он долго его крутил, достал из кармана лупу. «Я не скажу тебе, какой это минерал, — отвечал он со своим приволжским акцентом, — но я скажу тебе, кто мог тебе его дать». Он назвал три фамилии, среди которых была и Рогова. Откуда Виктор узнавал все новости, касающиеся минералогии, для меня так и осталось загадкой. У него был обширный круг знакомых, и все новые сведения о минералах он впитывал, как губка. И моментально запоминал.

Знакомы мы были с ним со студенческих времен во МГРИ, когда по воскресеньям с рюкзаками за спиной отправлялись по подмосковным карьерам, оврагам и другим минералогически интересным местам. Такие поездки были регулярными, особенно весной и осенью. Здесь он всегда выступал неформальным лидером и руководителем. У всех нас, естественно, были с собой геологические молотки, а Степанов всегда брал тяжелую кувалду килограмма на три и коленное зубило. Что интересно, в одни и те же карьеры он мог ездить по многу раз и, каждый раз пересматривая кучу материала, находил что-то новое и интересное. Современная минералогия Подмосковья «сделана» им; до этого мы знали о ней куда меньше.

Среди «злачных мест» было и еще одно: ограниченной компанией копались под «мостом Карпинского». Так почему-то назывался овражек рядом с современным Минералогическим музеем имени А.Е. Ферсмана РАН, куда в 1934 году при переезде Академии наук из Ленинграда в Москву были сложены ящики с геологическими образцами — в том числе и Минералогического музея.

В Москве музею только в 1936 году было предоставлено старинное здание, и то нуждавшееся в серьезном ремонте и реконструкции, — бывший манеж Нескучного дворца. Ящики долго гнили под открытым небом. Многие из них просто развалились, и часть выпавших образцов так и осталась на месте своего «временного хранения». Всё, что находили интересного, передавали Виктору на «оценку», пополняя его уникальную коллекцию, которая в конечном счете перешла в тот же Минералогический музей, где и хранится в настоящее время.

Образцы в его коллекции минералов не только прекрасно атрибутированы, но и замечательно отпрепарированы. Сам процесс препарирования занимал его не меньше, чем поиски и собирательство. Он мог часами сидеть с образцом, разложив вокруг самые разные инструменты, и готовить из рядового куска музейный предмет. Этот процесс явно доставлял ему эстетическое наслаждение.

Будучи врожденным коллекционером, Виктор Иванович не мог пройти мимо того, чего нет в его собрании. Однажды я привез с уранового месторождения Адрасман хороший образец длинноигльчатого гетита в баритовой жиле. Виктор тут же потребовал, чтобы я ему его отдал. Говорю, что я бы с удовольствием, но месторождение-то урановое, и я его тебе назвать не могу: всё ведь было жутко секретно. Управившись несколько дней, потом согласился и без указания места нахождения: «Все равно давай, я потом узнаю». Пришлось отдать.

Уникальный знаток минералов, Виктор почти безошибочно мог определить не только минеральный вид, но и местонахождение анализируемого образца. Когда я его спрашивал, откуда он это знает, он обычно отвечал: «А я это тебе не могу точно объяснить, сам не понимаю, но знаю». Вероятно, дело в том, что при его удивительной работоспособности через его руки проходило огромное количество каменного материала. Он пользовался любой возможностью посмотреть новый образец. В приведенной чуть выше фразе ключевое слово — «точно». Он любил точность не только в описании минералов и их взаимоотношений, а во всем. Может быть, это и послужило причиной его конфликта в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ).

В то время, в 1950-х годах, в геологии шло увлечение вопросами генезиса горных пород и месторождений полезных ис-

копаемых. Только что вышла толстая монография «Основные проблемы магматогенного рудообразования» (1953), и это был своеобразный канон для изучавших эндогенные руды. Виктор, давая прекрасные минералогические описания каких-либо месторождений, никак не мог подогнать их под генетические трафареты того времени. Более того, весьма популярные тогда диаграммы-«рыбки», отражающие строгий порядок последовательности отложения минералов, не вызывали у него никакого энтузиазма. Отчеты задерживались, начальство нервничало, а Виктор мог во всеуслышание нелестно охарактеризовать ортодоксальных апологетов и их сподвижников. Естественно, это возмущало руководство. Пришлось уйти из института.

К счастью, талант не пропал. Степанов тут же был принят на работу в Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ), и занялся любимым делом — созданием Музея минералов редких элементов. Любовь к минералам и их тонкое и глубокое исследование были его истинным призванием. Виктор создавал систематизированные коллекции минералов, в которых были собраны совершенно уникальные образцы. Коллекция приобрела государственное значение. Одновременно он помогал сотрудникам Института в определении минерального состава руд изучаемых месторождений. Нередко такие консультации превращались в очень интересные дискуссии, в которых Виктор умел слушать и обсуждать самые разные вопросы, но его авторитет в диагностике минералов был непререкаем. Да никто в этом плане с ним и не пытался спорить. Институт получил высококлассного минералога, который облегчил работу многих сотрудников.

Работоспособность Виктора не только на рабочем месте, но везде, где бы он ни был, просто поражала. При этом он всегда был готов помочь другим, никогда не выражая своего превосходства. Умел радоваться успехам других. Улыбался своей неподдельной улыбкой, в глазах светилась радость. Но никогда не терпел зазнайства окружающих.

Виктор часто бывал у меня дома, особенно когда мы оба жили на улице Ферсмана на расстоянии пяти-семи минут ходьбы друг от друга. Он долго вел холостой образ жизни и по воскресеньям частенько приходил к нам. Здесь беседы, как правило, не касались минералогических тем. Говорили о геологии в самом широком понимании, общих вопросах развития естествознания, искусстве, спорте и просто о жизни.

При всем увлечении минералогией он не терял интереса к естествознанию в целом, имея собственное осмысление самых общих проблем. Больше всего его интересовали вопросы познания объектов Природы. Когда я познакомил его с очень интересным философом Анатолием Сергеевичем Арсеньевым, который вел у нас в институте методологический семинар «Наука и человек», Виктор так заинтересовался, что стал его посещать. Тема «наука и философия» часто

доминировала и в наших с ним разговорах. Он был сторонником научного подхода, но не терпел никаких догм, считал необходимым всё проверять наблюдениями. Прекрасный знаток фактического минералогического материала, он часто возмущался тем, как геологические факты подгоняются под теоретические догмы.

Виктор увлекался горными лыжами и с жаром рассказывал о новой технике спуска «на параллельных», которая тогда только приживалась на нашей почве. Посмеивался над нами, которые с трудом осваивали старую «австрийскую», неповоротливую технику слалома. Но его подсмеивания всегда носили добродушный характер, выражали стремление передать свои знания в своеобразной, часто поучительной, но никогда не грубой форме. Здесь, как и в других областях, его уверенность всегда опиралась на собственный опыт. Начетчиком он никогда не был, умел не только говорить, но и слушать. В общем, с ним было интересно.

Возможно, именно это наше общение и явилось причиной того, что на регистрации брака с Кларой, химиком из Геологического института (а Виктор женился достаточно поздно), он выбрал меня своим свидетелем. Событие отметили скромно, в небольшом кафе. Я бы не сказал, что женитьба как-то сказалась на его работе, но характер Виктора стал заметно мягче.

После свадьбы встречи стали реже, но суть их не поменялась. Несколько усилился акцент в сторону общих вопросов развития естественных наук и значения точных наблюдений в онтогении минералов. Особо интересны были встречи с Юрием Максимовичем Дымковым, умевшим увидеть, понять, зарисовать и рассказать об онтогении минеральных индивидов. Здесь Степанов отдавал пальму первенства Юрию Максимовичу, но никогда не был пассивным учеником. Все дискуссии, а они были порой достаточно жаркими, имели строго предметный характер. В прекрасных зарисовках Дымкова Виктор иногда находил небольшие неточности, которые можно было заметить только хорошо намётаным, профессиональным глазом.

Мы с Дымковым регулярно поздравляли его 7 января с днем рождения у него дома. Здесь он был совсем домашним. Тихий, мягкий и ничуть не агрессивный, очень спокойный и ровный с детьми, внимательный по отношению к жене. В эти вечера улыбка обычно не сходила с его лица.

С уходом Виктора Ивановича Степанова из жизни мы потеряли многое. Прежде всего — минералога экстра-класса и непревзойденного Коллекционера с большой буквы. Однако для тех, кто с ним тесно общался, он навсегда остался не только знатоком минералов, но и очень человечным (со всеми плюсами и минусами) человеком. Он не защитил никакой диссертации, зато та коллекция, которую он собрал и передал в Музей, наглядно говорит и о его научном потенциале, и о том вкладе в науку, который он внес.